

18+ Петр Богдан

ЛЕГЕНДА
О ВОДЯНОМ КОНЕ

Часть I

ТОТ, КТО ПРИХОДИЛ НОЧЬЮ

Петр Богдан
Легенда о водяном коне.
Часть I. Тот, кто
приходил ночью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704653
ISBN 9785447450502

Аннотация

События I части романа «Легенда о водяном коне: Тот, кто приходил ночью» происходят в 80-е годы XX века. Александра, приехавшего к родственникам в деревню, внезапно обвиняют в убийстве соседки, растерзанный труп которой найден утром. Начав собственное расследование, он вскоре понимает, что загадочные убийства связаны со странным существом, появившимся в окрестностях...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Легенда о водяном коне

Часть I. Тот, кто приходил ночью

Петр Богдан

*Есть многое на свете, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам.
(В. Шекспир, «Гамлет», перевод Лозинского).*

*Дизайнер обложки Александр Анатольевич Гоголев
Иллюстратор Александр Анатольевич Гоголев*

© Петр Богдан, 2020

© Александр Анатольевич Гоголев, дизайн обложки, 2020

© Александр Анатольевич Гоголев, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-5050-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Стояла теплая, жаркая ночь. Было совсем темно, небо заволокло тучами, скрывшими ночные светила. Я возвращался домой после замечательной прогулки с Таней, еще полный приятных воспоминаний. Ее губы еще горели поцелуями на моих, а ладони еще ощущали упругие теплые груди, податливые мышцы стана и многое другое. Однако ужасно хотелось спать, и я решил сократить путь, пройдя узкой тропинкой меж заборов и огородов, хотя там в такой темноте можно было споткнуться обо что-нибудь непредвиденное. Я действительно пару раз чуть было не споткнулся о какие-то гнусно хряпнувшие доски и, выругавшись, ускорил шаг.

Вскоре я подошел к павловским хоромам. Калитка в их саду была заперта, и я, недолго думая, перескочил через забор. Я торопился – зевота была нестерпимая. Поднявшись на ноги по другую сторону ограды, я сделал несколько шагов по тропинке через сад, как вдруг чья-то темная и большая тень метнулась впереди меня вглубь сада.

«И кто это сиганул? Ах, Светка, ах, недотрога! Васька Дерюгин, наверное. Ха-ха-ха! – весело хмыкнул я и вдруг споткнулся обо что-то, валявшееся на тропинке. – И тут свалку устроили! Проклятье!» – я чуть вслух не выругался,

но, вспомнив про собак, молча двинулся к противоположной стороне садовой ограды и, перемахнув через нее, пошел быстрее.

Дверь, слава Богу, оказалась открытой. Стараясь не шуметь, я осторожно снял ботинки в сенях, на цыпочках прокрался в свою комнату, разделся и, бросившись с наслаждением в кровать, сразу заснул.

Меня разбудила утром тетя Лида.

– Саша! Саша! Вставай! Ты что натворил? Ой, ужас-то какой! Саша! – услышал я сквозь сон ее тревожный, перепуганный голос и открыл глаза. На меня глядело растерянное, растрепанное, бледное лицо тети Лиды, искаженное такой гримасой испуга, что я буквально подскочил на кровати.

– Что случилось?

Тетя Лида, заикаясь, выдавила из себя что-то невразумительное.

– Что, что случилось? Теть Лид? – почти закричал я.

– Сегодня утром... – начала было она, но тут же осеклась. – Да ты одевайся... Иван! – позвала она кого-то в коридоре, – Иван! Входи... – говорила она дрожащим голосом. –

Ой, ужас-то какой!

Я вскочил с кровати в тревоге, и ничего не понимая.

– Да что случилось-то?!

Половицы в соседней комнате заскрипели, и ко мне в спальню вошел дядя Ваня Филаретов – деревенский участковый. Он не ответил на мое приветствие и не подал руки.

– Как же ты до такого дошел?! – сказал он, сделав суровое, по его мнению, лицо. – Вроде хороший парень, городской... Как же ты мог?.. Эх! Да что там, – он вздохнул и махнул рукой. – Одевайся!

– Да что случилось, в конце концов?! Можете мне объяснить?! Теть Лид! Иван Дмитрич! – я лихорадочно одевался.

– А ты сам будто не знаешь?! Не помнишь, что вчера делал?! Пьяненький был, да?! – заорал вдруг на меня участковый, сделав угрожающее движение. – Ты арестован сейчас мной за убийство, понял?!

– Какое убийство?! – я уже совершенно растерялся. – Вы что, с ума сошли? Теть Лид?!

Тетя Лида посмотрела на меня все с тем же потерянным и испуганным лицом.

– Саша... Сегодня утром... Свету... Свету... Павлову... нашли... убили... мертвой... – запинаясь, вся дрожа, про-
бормотала она и, подавившись слезами, заревела в платок.

– Светку?! Светку Павлову?! Да вы что?! С ума посходи-
ли? За что?!

– А это у тебя надо спросить, за что! – снова заорал на ме-
ня участковый и, не помня себя, схватил за локоть.

– Меня?! А я-то здесь при чем?! Я никого не убивал! –
со злостью я вырвал руку.

– При чем?! – лицо его исказилось от злобы. – А это
что?! – он показал на мои брюки.

Внизу, на кончиках моих джинсов, виднелись бурые пят-
на. У меня похолодело внутри – пятна действительно слиш-
ком были похожи на кровь! Рядом снова запричитала тетя
Лида:

– Сегодня утром... Витя Павлов... Виктор Николаич...
пошел в пустой хлев, н-новый... а там... она висит... без го-
ловы-ы-ы... – всхлипывая, пыталась объяснить она, но по-
давилась рыданиями.

– Пошли-пошли! Я тебе еще кое-что покажу! – сказал Филаретов, и я, уже ничего не понимая, потрясенный, последовал за ним в сени. Из-за приоткрытых дверей была видна гудящая толпа.

– А это что? – участковый ткнул ногой в мои белые кроссовки, снятые мной вчера ночью. Они едва могли казаться белыми. Все в бурых пятнах, кое-где сплошных, они выглядели неприятно зловеще.

Мое горло сжали спазмы. Сомнений не было. Это была кровь!

– Обувайся! Сейчас пойдем! А то люди собираются! – приказал Филаретов, и я в полусознательном состоянии потянулся к своим кроссовкам.

– Да не в эти! Эти я возьму как вещественные доказательства!

– У меня только тапочки!

– Одевай тапочки! Быстрее!!!

Внезапно дверь отворили настежь. На пороге стоял дядя Витя – Виктор Николаевич Павлов, отец Светы.

– Т-ты... т-т-ты... Подонок! Сволочь! Что ты сделал с моей дочерью?! – иступленно закричал он и, схватив меня за грудки, попытался ударить.

Это вывело меня из оцепенения. Чего-чего, а позволять себя бить я не был намерен. Сильным толчком я отбросил его в угол сеней.

– Не убивал я вашей Светы, Виктор Николаич! Успокойтесь! – крикнул я, но у него было уже мало осмысленное лицо.

– Гад! Сволочь! Убью! – заорал он и, схватив табуретку, бросил ею в меня. Филаретов напрасно старался его успокоить. Отец Светы вырывался, пытаясь наброситься на меня опять.

Между тем на улице гул голосов становился все громче и громче.

– Убийца! Кто бы мог подумать?... Такой вроде веселый. Все они городские... Мразь... Отца бьет... без головы... Голову-то не нашли... – доносилось до меня возбужденные голоса, смешанные с плачем и причитаниями.

Вдруг этот монотонный гул нарушил чей-то истошный вопль.

– Где он?! Где он?! Подонок! Сволочь!... Убью! – раздался чей-то срывающийся в истерику голос.

«Подонок... Сволочь... Убью... – отпечаталось почему-то у меня в голове. – То же кричит, что и дядя Витя. Других слов не знает, что ли?» – и от этой странной мысли губы, несмотря на мое удивление, сами собой расплылись в усмешке.

На крыльце затопали ботинки, и в сени ворвался Васька Дерюгин. Лицо его было искажено гримасой бешенства, злобы и отчаяния, глаза были красны от слез. Правая рука лихорадочно поднимала и опускала топор.

– Ты чего?! Это... – закричал на него участковый, пытаюсь одновременно оттолкнуть старика Павлова. – Топор нельзя! Топор оставь!

Васька встал как вкопанный, глядя на меня невидящими глазами.

– Убил... Убил!!! Свету убил!!! Подонок!

– Непра... – начал я, но не успел договорить. Васька как безумный бросился на меня, и я едва смог уклониться от топора, ушедшего на пару сантиметров в стену там, где за полсекунды до того была моя голова.

– Убью!!! Сволочь!!! – орал Дерюгин, пытаясь снова замахнуться.

Толпа на улице снова пришла в движение, кажется, и там кое-кто не прочь был принять участие в самосуде. Мне стало жутко. Но дать себя убить, растерзать?! Дудки!!!

Быстрым ударом в челюсть я опрокинул Ваську и, двигая ногой по барахтавшимся Павлову и участковому, бросился в дом, вбежал в дядину комнату (он был в отъезде), запер за собой дверь и схватил его охотничью двустволку, висевшую над кроватью. Она была заряжена.

В дверь забарабанили. Я опрокинул шкаф и придвинул кровать. Забаррикадовавшись, я открыл окно, показал ружье озверевшей толпе и закричал так, чтобы перекрыть шум и вопли – как только мог!

– Я никого не убивал!!! Это неправда!!! Надо разобраться! Я не позволю себя убить! Это самосуд! Каждого, кто попытается приблизиться ко мне, кроме участкового, я застрелю!

Но шум и вопли продолжались. Взбесившаяся от ненависти толпа лезла к окну. Васька Дерюгин, несмотря на мольбы и причитания тети Лиды, с диким ревом лупил в дверь топором. Так дальше продолжаться не могло. Еще минута – и они ворвутся в комнату. Я высунул дуло в окно и пальнул вверх голов.

Грохот выстрела подействовал отрезвляюще. Люди отхлынули от окна, испуганно переговариваясь. Даже Васька Дерюгин прекратил рубить топором дверь.

– Люди! Повторяю: я никого не убивал! Клянусь вам! Надо разобраться! Раз уж подозревают меня – я сам вижу: кроссовки в крови – пусть Иван Дмитрич отведет меня к себе, арестует, если надо. Но если кто попробует хоть пальцем до меня – пристрелю! Без предупреждения! – повторил я твердым голосом.

Пыл людей погас. Они отошли в сторону с искаженными страхом и ненавистью лицами. Однако мне удалось настоять на своем, и через некоторое время я вылез вместе с ружьем через окошко к Ивану Дмитриевичу, поджидавшему меня там.

Всю дорогу до отделения участковый не проронил ни слова. Он мрачно, почти с ненавистью взглядывал на меня ис-

подлюбья. Филаретов явно не мог простить мне моего воинственного поведения и особенно удара ногой по нему с Павловым. В его сознании не могло уложиться, как подозреваемый преступник может еще защищать себя. Может быть, он бы даже предпочел, чтобы меня растерзали. Но в отношении своего долга Иван Дмитрич был все-таки честен и исполнителен. Он запер меня в своем служебном помещении вместе с ружьем, с которым я побоялся расстаться, боясь повторных попыток самосуда.

– Через пару часов сделаем первый допрос и составим протокол, – бросил он, выходя.

Я впервые остался один и наконец мог обмыслить свое положение.

Глава 2

Светку Павлову убили... – в голове такое не укладывалось. – За что? И зачем? Кому надо было? И как-то страшно... «Голову не нашли» – вспомнилось мне. – Жуть какая-то... В деревне завелся маньяк, что ли? Ничего не понимаю!.. А я как влип!.. Наверное, ночью, когда бежал через павловский сад. Да! Я там обо что-то споткнулся... Бр-р-р! – холодок пробежал по моим членам. – Значит, это что-то было... Светкой?! Хотя, как мне кажется, я споткнулся не о большое и тяжелое. Оно было небольших размеров... А! Может быть, рука или нога... – Я снова потряс головой, стряхивая видение окровавленного тела, перегораживающего ночную тропинку... – Да, я задел за эту руку или ноги, испачкал джинсы и вляпался в лужу крови. – Мне стало дурно от этих мыслей. – Но иначе объяснить мои окровавленные ноги нельзя!.. Эх, Светка, Светка... Хорошая девчонка была... И кому... Постой-постой! А тетя Лида сказала, кажется, что дядя Витя нашел ее в хлеву – она висела в хлеву. Обо что же тогда я споткнулся?! Ничего не понимаю!

Мои размышления прервала тетя Лида. Принесла мне завтрак. Она все еще не могла успокоиться, и вперемешку со всхлипываниями по Свете слышались сетования об изрубленной Васькой Дерюгиным двери и разбитых окнах

и посуде. Я с трудом смог ее немного успокоить и добился более или менее связного рассказа о событиях сегодняшнего утра.

Часов в пять утра Виктор Николаевич (встает он раньше всех) отправился за каким-то делом в новый, только что построенный хлев. Оттуда и раздались его истошные крики. На крики выбежали родные и соседи. В хлеву они увидели висевший за ногу окровавленный труп его дочери. Вокруг все было залито и забрызгано кровью. На полу валялись куски вывороченных костей с мясом и еще не высохшие от крови обрывки ночной одежды. Живот был разорван, и из него свешивались кишки. Переломанные ребра торчали из развороченной груди. Одной ноги и бедра не было совсем, от головы осталась только разломанная на две половинки нижняя челюсть. Не было и правой руки. Во дворе, в углу, валялись трупы двух собак – Дружка и Трушки, тоже без голов. Кровавая дорожка вели в сад. Там на тропинке и нашли правую руку в луже крови. Здесь увидели и следы моих кроссовок, приведших к нашему дому.

Я долго сидел молча, подавленный этим кошмарным рассказом и дикими подробностями. В голове такое не укладывалось. Тошнота подкатывала к горлу, и все прыгало перед глазами. Теперь мне стало все ясно. Ночью я споткнулся об... руку Светы и в этот момент перепачкался в кро-

ви. Не мудро, что возбужденные люди прибежали ко мне. У них не было возможности разобраться – да и как разберешься в таком состоянии? Но пока я нахожусь здесь, я не в безопасности. Надо было что-то делать.

– Тетя Лида, у меня к вам важное и срочное дело. Немедленно позвоните моим родителям и передайте, чтобы они незамедлительно наняли хорошего адвоката. Деньги у них есть. Пусть кто-то приезжает немедленно, а кто-то займется наймом. Это очень срочно и необходимо.

Тетя Лида смотрела на меня непонимающими глазами – наполовину она была еще в своем рассказе.

– Вы поняли меня, тетя Лид?!

– Что?.. Да!.. Позвонить... – смешалась она.

– Позвоните немедленно моим родителям, пусть кто-нибудь выезжает сразу ко мне, а другой нанимает адвоката. Это очень важно, тетя Лида, – повторил я как можно ласковее и спокойнее.

– Да, Саша, поняла. Я сейчас же пойду звонить, – она встала и направилась к двери, но, приоткрыв ее, остановилась и нерешительно обернулась ко мне.

– Саша, а это не ты... все-таки... Свету?... – услышал я ее робкий голос.

– Ну как же я, тетя Лид?! Ведь я же вам объяснял! Если бы это я, то в таком случае там везде было бы полно моих следов в крови – и во дворе, и вокруг дома, да и я был бы весь в крови, судя по вашему рассказу! И потом, куда я дел ногу да голову?! Зачем они мне?! Я что, похож на сумасшедшего?! На маньяка?!

– Ну и слава Богу! – сказала тетя Лида и вышла. Ее явно обрадовал мой спокойный тон. Четвероюродный любимый внучатый племянник вовсе не был похож на маньяка.

Я снова остался один. И хотя мое положение едва можно было считать даже немного сносным, я несколько успокоился. Конечно, от людей нельзя ожидать попыток вдуматься или разобраться в чем-нибудь с такими чувствами, какие бушуют сейчас в них. От них можно сейчас ждать чего угодно. Но время работает на меня. Я знал, что через некоторое время кто-то из моих родных подойдет к звонящему телефону, и вне зависимости от моей воли, чувств и действий заработает машина моего спасения, машина, подчиняющаяся неосязаемым чувствам родства, любви и веры, машина, которая неотвратимо и неизбежно освободит меня.

Мои размышления прервал Филаретов.

– Поел? – спросил он, открывая дверь.

– Да.

– Тогда сейчас составим протокол.

Вынув какую-то папку из своего стола, он долго рылся в ней, пытаясь найти чистый листок для протокола. Наконец из-под самого дна он вытащил помятый клочок неправильного формата. Я не мог сдержать улыбки.

– Улыбаешься?! – с ненавистью посмотрел на меня дядя Ваня. – Доулыбаешься! Расстреляют тебя как... – он осекся, испуганно метнув на меня быстрый взгляд исподлобья.

– За что же, дядя Ваня? Иван Дмитрич?!

Мое восклицание дало выход накопившемуся раздражению.

– Я тебе не дядя Ваня и не Иван Дмитрич!!! – заорал он, с силой захлопывая папку. – А гражданин участковый... милиционер!

– Вам! – поправил я его спокойным тоном. – Вам! Так за что же, гражданин участковый милиционер?

– За убийство и изнасилование при особо отяг... отягтяющих обстоятельствах! – бедный Иван Дмитриевич стал запинаться от волнения.

– Отягчающих, – поправил я его.

Но Филаретов уже написал заголовок.

– Попрошу не перебивать. Фамилия, имя, отчество?

– Демидов Александр Сергеевич.

И так далее. Я отвечал вежливо и рассудительно. По мере нашей беседы Филаретов смягчался. Наконец дело дошло собственно до расспросов.

– Что вы делали вчера вечером с 22 часов до того, как легли спать?

– Гулял.

– С Танькой Федоровой, что ль?

– Да.

А что ты... вы делали потом? – Филаретов медленно скрипел ручкой.

Я рассказал ему весь мой путь обратно, до мельчайших подробностей.

– Тень, говоришь, метнулась?

– Да, Иван Дмитриевич. Я сначала подумал, что это Васька Дерюгин, он влюблен ведь в нее по уши... был...

Мой рассказ его, кажется, немного успокоил.

– Да... Ну и дела! Задал ты, брат, задачу! Ведь никаких следов мы, кроме твоих, не нашли!

Как?! – я совершенно растерялся. – Как не нашли?!

– Так и не нашли! Кроме твоих, больше никаких нет! Так что признавайся, брат!

– Не верите мне, значит. Но там должны быть другие какие-то следы, кроме моих!

– Только твои! Правда, уже затоптали изрядно. Надо идти, а то до приезда следователя ничего не останется, – дядя Ваня

захлопнул папку и встал.

– Дядя Вань... Иван Дмитрич, – остановил я его еще раз у дверей.

– Чего?

– А голову и ногу нашли?

Мой вопрос его видимо покоробил. Он махнул рукой, как бы отгоняя видение.

– Не нашли. Сейчас будем искать... куда ты их...

– Дядь Вань!!!

– Ну ладно... – он вышел.

Я не видел его до вечера, когда он вошел ко мне со следователем. Последний оказался молодым человеком лет двадцати восьми, очень порывистым и резким на вид. Мелкопосаженные, горевшие возбуждением глаза имели выражение, долженствовавшее, по его мнению, пронизывать подозреваемого, как жука булавка. Было видно, что он испекся от делания раскрыть дело, которое ему поручили, еще до прибытия следователя по особо важным делам.

– А почему с ружьем? – спросил он войдя.

Я начал ему объяснять. Он не дослушал.

– Так вы оказали еще сопротивление при задержании? Та-а-к!

Тут на помощь мне подключился Филаретов. Вместе мы кое-как растолковали ему.

– Все равно ружье убрать! Неужели вы не понимаете, – обратился он к участковому, – как это опасно?! Он может застрелить кого-нибудь, сам застрелиться... И вообще... можно ждать чего угодно.

Я решил не спорить и отдал ружье.

Разговор со следователем наложил на меня самый тяжелый отпечаток.

– Так вы говорите, что гуляли вчера вечером? – спрашивал он, кривя дрожащие от волнения губки и впиваясь в меня своими маленькими глазами.

– Да, гулял.

– А кто это может подтвердить?

Я с удивлением глядел на Филаретова. Неужели он еще не снял показаний с Таньки?

– Таня... Федорова.

– А вот она ваши показания не подтверждает!

– Как?!

– А вот так! – он вытащил листок. – У нас имеются показания гражданки Федоровой, Татьяны м-м-м... Владимировны, где она сообщает, что вчера вечером она была у подружки. Ее подруга Пимкина, – он взгляделся в написанное, – Наталья Ивановна, подтверждает эти слова.

Это был удар ниже пояса. Такого я от Таньки не ожидал. Чтобы ей была дороже сомнительная «девичья честь» (да к тому же все знали, что она со мной гуляет) жизни человека?! Это просто трусость и подлость! «Инстинкт», – подумал я и усмехнулся.

– Так как же вы объясните все это? – следовательно снисходительно-презрительно-ехидно улыбался.

– А никак!

– Значит, вы отказываетесь отвечать?

– Да, отказываюсь! – мне становилось все больше противно.

– На месте преступления не найдено никаких следов, кроме ваших. Зачем же надо было придумывать такую нелепую ложь про какие-то тени в саду?

– Значит, вам уже все ясно? – я пристально посмотрел на него. В узких глазах ни одной посторонней мысли. Таким всегда все ясно. «Все ясно всегда только дуракам», – всплыла в голове фраза, и я не мог сдержать поползших губ. С такими надо быть поосторожнее.

Моя улыбка не осталась незамеченной.

– Здесь вопросы задаю я! – вспылил он, злобно глядя на меня. – Голова потерпевшей и нога до бедра еще не найдены. Куда вы их спрятали?

– Никуда.

– Как никуда?! – он явно реагировал медленно в умственном смысле.

– Никуда. Я их и в глаза не видел! – я презрительно улыбался.

Это окончательно вывело его из себя.

– Вы... ты... – задохнулся он, но сдержался от крика и резких движений. – таких... таких, как ты... подонков... четвертовать надо... Ничего, послезавтра отвезем тебя в райцентр... Посмотрим, как ты там попляшешь! – он порывисто встал и с бешенством хлопнул дверью.

Угроза была осязаемой. Я слышал, что творится там у них в райотделе милиции. А уж со мной, с «маньяком», никто церемониться не будет. Послезавтра... Мое спасение только в том, что родители будут действовать быстро.

Единственным приятным событием был приход тети Лиды. Она принесла мне обед и сообщила, что мама приедет завтра утром, а папа останется в городе и приедет попозже. «Хорошо, – ответил я с удовлетворением. – Успевают».

Глава 3

Июльский вечер угасал медленно. Я попросил выключить мне свет и сидел сначала в полумраке, потом в темноте, оставив бесплодные попытки уснуть. Возбуждение не проходило, не давая расслабиться. Я вновь мысленно просматривал события прошедшего дня и ночи. Постепенно мне надоело думать о себе, и я принялся за минувшую ночь и Светку Павлову.

Кто мог ее убить? Кому могла помешать эта красивая и довольно-таки образованная для деревенской девушка. Нет, у нее не было, да и не могло быть врагов. Разве что девчонки. Да девки всегда найдут из-за чего между собой ругаться и ссориться! Глупости. Да и так разорвать тело?! Разрубить?! Нормальный человек на такое не способен! Да и чем разрубили?! Где орудие убийства? Может, кто-то из пришлых? Из лесу пришел – и опять в лес? Маньяк в лесу?! Это было бы забавно, если бы не было похоже на правду.

Но почему тогда они говорят, что не нашли никаких следов, кроме моих? Не летал же этот убийца по воздуху? Почему же не нашли следов? Но я ведь видел кого-то! Я это хорошо помню!

Я напряг память, пытаюсь восстановить тот момент: я спрыгиваю, поднимаюсь... Стой! Да-да, вот в этот момент что-то первое... Что же? Спрыгнул, поднялся... Какое-то ощущение... не то тревоги, не то страха... Небольшое ощущение... какое-то тяжкое... Так. Я взглянул на тропинку – было очень темно, но я ее помню: часто там хожу, найти нетрудно – трава расступается. Было очень темно. Да, но... Сейчас-сейчас... – я что-то нащупал в памяти: – Вспомнил! Немного в глубине, приблизительно там, где я споткнулся, было что-то темное, еще темнее, чем вокруг, такое темное пятно. Размеры определить было трудно – оно сливалось с окружающей чернотой, – я напряженно вспоминал: – Я его не видел, просто это отпечаталось в мозгу само по себе. Я сделал несколько шагов, и это пятно метнулось вглубь сада. Да! Тогда я его и увидел! Я прошел немного и споткнулся. Вот и все... А! Еще запах, запах какой-то странный, приторный – наверное, крови, и еще чего-то, слабый, непонятный, то ли гнили, то ли... Не знаю.

Я остановился. Остальное уже не относилось к моему «участию» в этом преступлении. И понесла меня нелегкая напрямки! Идиот! Хотя нет, не идиот. Я просто хотел спать! Но что же я все-таки видел? Вроде это был мужчина. Почему не женщина? По размерам побольше, да и не могла женщина такое сотворить, сил бы не хватило! Черт знает что такое! Лик, Лик, ну ты и влип!

Я сидел по-прежнему и размышлял, как вдруг мне послы-

шалось, что меня кто-то зовет. Я прислушался: да, меня действительно звал кто-то тихим шепотом в окошко.

– Саша! Саша!

Но шепот был очень тихий, невозможно было разобрать, мужской или женский.

«Наверное, это Таня», – подумал я и встал.

– Сейчас. Иду. Кто там? – спросил я шепотом, подойдя к окну. Уже совсем стемнело, и невозможно было что-нибудь разглядеть.

Резкий шум и скрежет заставили меня насторожиться. Я едва успел отпрянуть от четырех зубьев вил, с силой прошедших сквозь прутья литой решетки.

Я понял, кто это. Это был Васька Дерюгин.

– Гад! Сволочь! – прошипел он, видя, что у него ничего не получилось. – Я тебя все равно убью!

– Слушай, Дерюгин! – громко сказал я ему. – Не убивал я твоей Светы! Не я убийца! Понял?! Успокойся!

Но тот не в состоянии был что-нибудь понимать.

– Все равно убью тебя, подонок! На куски изрежу! На мелкие-мелкие кусочки! Сволочь!

У меня не было охоты препираться с ним. Ему сейчас все равно ничего не объяснишь.

Дерюгин некоторое время еще мотался под окном, но потом ушел.

Я дрожал как в лихорадке. Перед глазами кружились отрубленные руки и головы, темные пятна, следовательно, плачущая тетя Лида и Васька Дерюгин, который что-то кричал, размахивая топором. В эту ночь я спал только два часа.

х

Мама приехала утром. Она сразу представилась следователю из райцентра и дала понять, с кем он имеет дело. Бедняга тут же понял и смирился. Теперь ему хотелось только как можно скорее слинять отсюда, чтоб не попасть меж двух огней. Мама рассказала, что папа решил действовать «по своим каналам». «По своим каналам» оказалось чрезвычайно быстро. Через день он приехал с адвокатом и следователем по особо важным делам, который оказался большим другом папиного знакомого. Он приветливо поздоровался со мной, потрепал меня по плечу и сказал, что я слишком хорошо вы-

гляжу для невменяемого маньяка.

Сразу же стала видна нелепость обвинений. Никаких моих следов, кроме ведущих от лужи крови с рукой к дому, просто не было. Не подтвердился и факт изнасилования. Не было и окровавленной одежды, которую я не мог бы не перепачкать, разрубая тело, и орудия убийства, хотя обшарили весь дом и двор – да я и не мог бы их спрятать – ведь я никуда не ходил. Не нашли и голову с ногой Светы Павловой. Они будто растворились в воздухе. Следователь по особо важным делам ходил с растеряннo-озабоченным видом – он ничего не понимал.

Но мне было не до него. Едва выяснилось, что все подозрения насчет меня сняты и я могу быть свободным, я уехал из деревни вместе с родителями.

Да, блат – великая вещь. Но каково было бы на моем месте простому парню, у которого блата нет? Об этом просто не хотелось думать.

Но люди приняли одно за другое. Они увидели последнее – мелочь, но не увидели главного – нелепости и абсурдности обвинений, рассыпавшихся именно по этой причине. Для многих из них я был «сынок», покрытый богатыми родителями. Ведь должен же быть убийца, а раз его нет, значит,

его «покрыли». Главное для таких – иметь объект ненависти. Им было ясно, кто убийца. Этим людям всегда все ясно. Среди последних был и Васька Дерюгин.

х

Я решил съехать в деревню только в самом конце августа. В городе я знал, что следствие в полном недоумении, и хотел здесь разузнать об этом поподробнее у нашего знакомого следователя, но опоздал: он уехал за день до моего прибытия.

Тетя Лида и дядя Ваня были встревожены моим приездом – они боялись скандалов и неприятностей, но я успокоил их, сказав, что пробуду всего дня три – у меня кончались каникулы. Я решил особенно не высовываться и не мелькать на улицах, чтобы не раздражать людей.

К моему удивлению, Павловы спокойно отнеслись ко мне. Старик Павлов притащился вечером с бутылкой водки, извинился за себя в тот день и предложил помянуть покойную. Отказаться было бы грешно, и я до ночи просидел с ним, слушая его сбивчивый рассказ.

Светлану похоронили только через неделю – ждали, что найдут голову и ногу. Дальше тянуть было нельзя – тело начинало разлагаться. Так и закопали ее – без головы и ноги. Ни ногу, ни голову не нашли до сих пор. Даже никаких их

остатков. В некоторых местах Виктор Николаевич не выдерживал и плакал.

– Ну зачем нужны эти следователи, которые ничего не могут найти? – спрашивал он, всхлипывая и ударяя кулаком по столу. – Ведь никаких следов, нет преступника – и все. Ты не обижайся на меня, – повторял он, теребя меня за руку. – Это я тогда сгоряча. Я знаю, что ты не мог убить... Свету – ведь... ведь... она была такой хорошей. Вот и следователи, и прокурор, и адвокат говорят – против тебя нет никаких улик! Случайное совпадение! – он поднимал вверх палец. – Во как! Во как оно бывает!.. Судьба!.. А то бы и тебя сгоряча убили!

Из рассказа его я узнал, что следствие не продвинулось ни на шаг со дня моего отъезда. На дело уже махнули рукой, как на совершенно безнадежное. Мне не стоило труда упротить старика разрешить побродить по его саду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.